

А.С. ЗАПЕСОЦКИЙ,

председатель исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, профессор, доктор культурологии, член-корреспондент Российской Академии образования, Заслуженный деятель науки России, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ И РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

(к 100-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачева)

Лишние люди

Недавно в беседе с двумя очевидно талантливыми и образованными журналистками я был озадачен вопросом: «Существует Власть и существует Бизнес – Кремль и Мордашов, Совет Федерации и «нефтянка», Госдума и Газпром. А кому и зачем нужна интеллигенция?» В вопросе не было ни ерничанья, ни провокации, - чувствовался искренний, доброжелательный интерес. Причем, не только свой – журналистки транслировали интерес массовой аудитории. И я понял, что за последние 15 лет Россия действительно стала другой страной. Интеллигенция не играет в ней сколь-нибудь существенной роли.

В предыдущие времена события развивались несколько иначе. Интеллигенцию боготворили и ненавидели, ее считали мозгом нации и обзывали экскрементами, ее боялись, уничтожали, возвеличивали, высылали на пароходах, пытались купить высокими постами, с ней заигрывали. Считаться интеллигентом было престижно. Само выражение «истинный интеллигент» говорило о том, что были и неистинные – многие пытались выглядеть интеллигентами. Тогда спорили о том, обязательно ли интеллигент должен быть в оппозиции власти, или он должен сам идти во власть, что бы претворять в жизнь свои убеждения. Все это – в прошлом. Теперь власть увлечена спорами с бизнесом. Власть хочет денег, а бизнес хочет власти. Так ненавидят и любят друг друга, что просто сплелись в чувственном экстазе.

Интеллигенция для них – третий лишний. Они вообще никого вокруг уже не видят.

... А журналистки, не замечая моего смятения, добавили: «Ваш земляк, питерский философ С. считает, что интеллигенции следует предоставить монополию на обустройство эстетической жизни страны, при этом решительно перекрыв доступ к исполнительным механизмам власти. Может ли интеллигенция участвовать в деятельности треугольника: Власть-Бизнес-Интеллигенция? И в какой роли?».

В роли лебедя из знаменитого трио с раком и щукой, - с горечью подумал я. Отметив, однако, что само наличие подобных вопросов заслуживает серьезного осмысления.

В конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века, в период слома социалистической системы, российские интеллигенты сначала оказались востребованы реформаторами-революционерами, использованы, а затем оттеснены на обочину исторического развития. На авансцену общественной жизни вышел и утвердил себя диаметрально противоположный интеллигенции социальный тип – новые русские. Именно они стали хозяевами жизни во второй части периода ельцинского правления. «Если ты – такой умный, то почему – такой бедный?» - с издевкой вопрошали они. Писатели, ученые, инженеры, педагоги возмущались, заламывали руки. Некоторые плакали в подушку, вызывая жалость своей беспомощностью и ненужностью. Потом про них, казалось, совсем забыли. Забыли настолько, что теперь в рассуждениях об интеллигенции допускают возможность ее использования как инструмента – вроде зубочистки. Дескать, во власть ее пускать не будем, а для каких-то иных надобностей – может быть, и приспособим.

На мой взгляд, подобные суждения характерны для авторов, не отягощенных знанием истории. В них содержится очевидная опасность для «пользователей». С самого момента появления интеллигенции попытки ее

использовать предпринимались властью каждый раз, когда сильные мира сего попадали в трудные ситуации. Обретя почву под ногами, власть от интеллигенции снова отворачивалась и получала опаснейшего оппонента, подготавливая тем самым очередную смену власти.

Новое пришествие или «тень отца Гамлета»?

Ельцынский период – время очередной революции и смуты на Руси. Для многих – некое затмение и разума, и совести. Чуть ли не все общество вдруг стало напоминать потерявшую человеческий облик толпу, бросившуюся громить винные склады. Власть сначала была озабочена своим собственным переструктурированием и становлением. А затем совершенно неожиданно для многих оказалась во главе оравы погромщиков. Это случилось в результате принципиальной ошибки реформаторов: ускоренного административным ресурсом формирования олигархического капитала в условиях недоразвитого рынка, отсутствия в стране как среднего класса, так и соответствующего рынку правового поля и культурных традиций. После 1996 года олигархи фактически захватили власть. Для идей многопартийности, демократии, свободы слова, да и просто совестливости места в идеологии правящего слоя уже не оставалось.

Теперь в стране медленно, но наступает некоторое отрезвление. Впрочем, если внимательно присмотреться – далеко не все общество позволило себе запачкаться участием в погроме. Ни Дмитрия Лихачева, ни Даниила Гранина в рядах погромщиков не было. Часть совестливых людей была отторгнута властью в начале 90-х годов, другая часть – в середине. Сохранили человеческое достоинство и миллионы простых людей, продолжавших делать свое дело: учить детей, лечить стариков, печь хлеб.

И не случайно в последнее время начали вспоминать об интеллигенции. Похоже, что-то в стране без нее не получается. Думается, без интеллигенции не может состояться воссоздание сильной, независимой

России. А именно это, как становится все более очевидным при приближении к завершению срока президентских полномочий В.В. Путина, было его личным приоритетом. По мере укрепления властной вертикали выяснилось, что собиранье страны воедино, применение административных рычагов весьма затруднительно без нравственных точек опоры.

Никакие репрессивные меры у нас не решают проблем коррупции, клановости, расизма и т.д. В отличие от Латинской Америки или Грузии, сегодняшней Россией нельзя управлять только силой. В отличие от современного Запада, сегодняшней Россией нельзя управлять и одним манипулированием. В отличие от сегодняшней Украины или стран Балтии, Россией никогда нельзя было управлять разжиганием национализма. Вот тут и вспоминается способность интеллигенции влиять на общественное мнение, на создание нравственного климата.

В последние годы все рельефнее обозначаются и новые проблемы российского бизнеса. Его аморальность перестает восприниматься обществом как норма жизни. Бизнесу поставлен диагноз: «Ты богат не потому, что умен, а потому, что нечестен». Восприятие обществом богатства, как плода бессовестности, лишает бизнес стабильности. А это – вторая фундаментальная для бизнеса ценность после денег. Кроме того, в последние годы в России высветилась и несостоятельность концепции развития экономики без моральных ограничений. Вопреки убеждениям доморощенных реформаторов, выяснилось, что безнравственная экономика не может быть эффективна.

Таким образом, складываются новые предпосылки для востребованности интеллигенции и государством, и бизнесом. Но самое главное – существенно меняются настроения рядовых граждан. Оказывается, что материальные ценности при всей их привлекательности не могут в России заменять ценности духовные.

Но существует ли сегодня в стране истинная интеллигенция и способна ли она соответствовать новым вызовам эпохи? На эти вопросы нет простых ответов.

Как это часто бывает, желание осмыслить настоящее и попытки заглянуть в будущее, тем более – на него повлиять, заставляют заново обратить свой взор в прошлое. В этой связи закономерен нынешний интерес общества и государства к идейному наследию академика Лихачева, духовно-нравственному облику его фигуры: Дмитрий Сергеевич не только больше всех сделал для осознания глубинной сути, общественной природы интеллигенции, но и сам стал ее общепринятым олицетворением. Не случайно Даниил Гранин в одной из своих публицистических статей назвал Дмитрия Лихачева последним российским интеллигентом. Слово «последний», как мне представляется, было произнесено с целью обострения полемики. Но даже если отбросить эту гиперболизацию, признание Лихачева в качестве своего рода эталона интеллигента несомненно.

Нетипичный ученый

Дмитрий Сергеевич Лихачев...

Есть люди, которые даже после ухода из жизни с течением времени становятся ближе, понятнее и роднее. Может быть, с возрастом и опытом мы меняемся к лучшему (если так – то жаль, что столь медленно). Может быть, большое действительно лучше видится на расстоянии.

Готовя к 100-летию Дмитрия Сергеевича Лихачева издание двух его книг, я еще раз перечитал то, что вроде бы знал. Я много раз беседовал с ним, организовывал дискуссии с его участием, присутствовал при его выступлениях. Теперь вижу, что доходило до меня далеко не все. Чтобы приблизиться к сути, потребовались годы научной работы и годы жизни. Но и сейчас, думаю, мое приближение является неполным. Удивительная

простота высказываний и текстов академика содержат в себе и удивительную глубину.

Лихачев для сегодняшней науки нетипичен. Как насмешливо говорил Козьма Прутков, специалист подобен флюсу. Это изречение отражает одну из объективных тенденций развития современного научного процесса. Время ученых – энциклопедистов, кажется, безвозвратно ушло в прошлое. Это в минувшие века можно было быть физиком, химиком, биологом, математиком и геологом в одном лице, одновременно. Теперь ученый может посвятить всю свою жизнь, скажем, проблемам искусственного осеменения и весьма смутно ориентироваться в сути натурального. Даже нобелевские премии нередко дают за эффекты, первооткрыватели которых в момент свершений не имели ни малейшего представления о судьбоносных последствиях своих деяний. Обычно, представляя широкой аудитории действительно великих ученых, академиков (звание, по определению подразумевающее масштабность и широту вклада в науку), теперь приходится добавлять: специалист в такой-то области. Что уж говорить о простых докторах и кандидатах...

И все же энциклопедисты появляются и в современную эпоху, среди нас. Правда, распознать их не всегда удастся сразу. Так и с Дмитрием Сергеевичем. Почти всю жизнь ему платили зарплату за научные исследования древнерусской литературы в Пушкинском Доме. И Лихачев добился блистательных результатов, за которые был избран в Российскую Академию Наук. Теперь его имя достойно запечатлено в истории отечественного литературоведения рядом с именами других звезд – пушкинородцев: А.С. Орлова, В.П. Адриановой-Перетц, А.М. Панченко, Н.Н. Скатова и других. Однако, помимо классического литературоведения, ученый занимался еще и целым рядом других вопросов и проблем: и рядом с этой областью, и достаточно от нее далеко. Его волновали Достоевский и Толстой, сохранение исторического облика Невского проспекта и реформы

Петра I, садово-парковая культура и проблемы реализма, как творческого метода... Многие коллеги по литературоведческому цеху считали это чуть ли не своего рода чудачествами, хобби ученого.

Позднее, в 80-е годы, в особенности в период перестройки общественное мнение возвело Лихачева в ранг культовой фигуры общенационального масштаба благодаря его выступлениям в защиту культуры. Как говорит теперь Гранин, Дмитрий Сергеевич «был министром той культуры, которой власть не занимается». Академик вступал в споры там, где власть проявляла невежество, и нередко одерживал победы благодаря научному авторитету, глубине своей аргументации и исключительной внешней простоте приводимых доводов, делавшей их понятными даже плохо образованным партийным функционерам.

В то время многие считавшие себя не менее крупными ученые начали завидовать его популярности. За глаза, намеками недоброжелатели стали упрекать Лихачева в популяризаторстве в ущерб академизму. По сути – в легковесности. И только теперь, когда страсти поутихли, когда его работы оказались снова востребованы, когда появилась возможность обстоятельного ретроспективного анализа лихачевского наследия, стала высвечиваться научная значимость, казалось бы, популяризаторских работ академика, выполненных им «на общественных началах». Более того, становится и очевидным, что «второстепенное» - работы о культуре, искусстве и др. – как минимум не уступает признанному в академической среде, считавшемуся основным. В этих работах нет внешних признаков наукообразия: перегруженности специальными терминами, превращающей язык публикаций из русского в «птичий», цитат и примечаний, оформленных по специальным правилам и т.д. Но это никак не сказывается на научности сути, не умаляет масштаба лихачевских идей и концепций.

Происходит третье (после литературоведческого и общественного) признание Лихачева – как крупнейшего ученого-гуманитария и выдающегося русского мыслителя двадцатого века.

Академик Лихачев в «Новом мире»

Одной из самых ярких работ Лихачева стало его письмо «О русской интеллигенции» в журнал «Новый мир», опубликованное в феврале 1993 года. Напомню новому поколению читателей журнала, о чем там говорилось.

В начале сам Дмитрий Сергеевич подчеркивает, что направленный им в редакцию текст – это «не статья, это именно письмо, в котором автор говорит, пусть и без строгого порядка, но так, как он представляет себе дело сегодня, как обязывает говорить его собственный житейский опыт». Между тем, в этом разговоре ученый формулирует почти все основные элементы современных научных представлений об интеллигенции, оформившихся в постсоветский период.

Понятие это по Лихачеву – чисто русское. Ученый не убежден в том, что интеллигенцию следует считать социальной группой, слишком она разнородна. Интеллигентами могут быть дворяне, люди литературы и искусства, ученые и др. Интеллигентностью способны обладать рабочие или, к примеру, поморские рыбаки. Вместе с тем, ему очевидно, что при всем «ассоциативно-эмоциональном содержании» этого понятия интеллигенции присущи вполне конкретные общие черты. Из принятого в советское время определения не вызывало возражений, что интеллигент – это образованный человек, обладающий большой внутренней культурой. Но дальше выделялись черты, неведомые официальной советской науке. В первую очередь это – свобода, понимаемая как «независимость мысли при европейском образовании». В России, в условиях деспотизма, такая свобода принимает черты «тайной», о которой писали и Пушкин, и Блок. Открыто выражать свои мысли трудно, а скрывать их – еще труднее. Отсюда особое

отвращение к деспотизму, как специфическая черта русской интеллигенции: «Постоянное стремление к свободе существует там, где есть угроза свободе. Вот почему интеллигенция как интеллектуальная свободная часть общества существует в России и неизвестна на Западе, где угроза свободе для интеллектуальной части общества меньше».

Свобода для интеллигента – это нравственная категория. Не свободен интеллигентный человек только от своей совести и от своей мысли. Совесть в представлении Дмитрия Сергеевича – это «рулевой его свободы, она заботится о том, чтобы свобода не превращалась в произвол, но указывала человеку его настоящую дорогу в запутанных обстоятельствах жизни».

Статья в «Новом мире» - настоящий гимн русской интеллигенции. Лихачев считает, что она в целом выдержала испытание смутными временами, несмотря на жесточайшие преследования: «Мужество русской интеллигенции, десятки лет сохранявшей свои убеждения в условиях жесточайшего произвола идеологизированной советской власти и погибавшей в полной безвестности меня поражало и поражает до сих пор. Чем сильнее было сопротивление интеллигенции, тем ожесточеннее действовали против нее. Два парохода понадобилось осенью 1922 г., чтобы вывезти из России только ту часть интеллигенции, против которой не могли быть применены обычные меры в виду ее общеевропейской известности».

Читая лихачевские описания этого геноцида, невольно приходишь к сравнению с гонениями на христиан. Принципиальное отличие, пожалуй, в одном. Верующие в Христа были носителями хотя и сформировавшихся на огромном духовно историческом материале (включавшем римскую философию), но все же новых и потому чуждых их противникам взглядов. Интеллигенты же отстаивали хорошо известные ценности, выработанные в ходе всего развития человечества. В этом плане гонители христиан были в общем-то вульгарными консерваторами, вполне обычными людьми своего времени. Гонители интеллигенции же выступали против сформировавшейся

ранее традиции, против высшей в ряде отношений линии в развитии мировой культуры и оказались в своем роде «недолюдьми».

О петербургской природе взглядов Дмитрия Лихачева

Выступая в «Новом мире», Лихачев выражал не только свои личные взгляды, но и в значительной степени идеи, вызревшие в 80-е – 90-е годы в среде российской и, в особенности, петербургской интеллигенции.

Большое распространение они получили и в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов. Приход академика Лихачева в наш университет в это время представляется весьма закономерным. Именно здесь ученый реализует свои гуманитарные научные интересы в период, завершающий его биографию. Здесь он обретает круг единомышленников, ту интеллектуальную среду, в которой нуждается в данное время. С 1993 года Дмитрий Сергеевич стал Почетным доктором Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов. Отношения Лихачева с университетом были весьма многогранными. Они включали выступления перед студентами, участие в научных конференциях и дискуссиях, научные исследования. Дмитрий Сергеевич рекомендовал к нам на работу профессиру, консультировал в создании и поддержании университетских традиций, обсуждал стратегию развития СПбГУП и т.д. Близкие к ученому люди помнят, что в последние годы он избегал пышных мероприятий с пространными речами. Университет становится в это время едва ли не единственным местом его систематических встреч с широкой аудиторией, своего рода трибуной, с которой он излагает свои взгляды профессуре и студенчеству, внимательно изучая отклик.

Постепенно в общение с нашим Почетным доктором оказались вовлечены широкие круги университетского сообщества. Включились в этот процесс и наши новые Почетные доктора, крупные фигуры из числа петербургской интеллигенции. В апреле 1999 года по инициативе Дмитрия

Лихачева и Даниила Гранина нами был зарегистрирован «Конгресс Петербургской интеллигенции». В него вошли в качестве учредителей так же Жорес Алферов, Андрей Петров, Михаил Пиотровский и Кирилл Лавров. Создание конгресса стало неким оформлением уже вполне сложившейся к тому моменту традиции собираться вместе для обсуждения волнующих нас проблем.

Впрочем, понятие петербургской природы взглядов Лихачева имеет значительно более масштабные и глубокие корни. Они – в сущностных чертах российской и петербургской культуры, к чему мне хотелось бы вернуться позднее.

Переосмысление старых истин

В середине 90-х годов нам с профессором СПбГУП Владимиром Триодиным удалось организовывать ряд общественных дискуссий по проблемам интеллигенции с участием, пожалуй, самых крупных российских мыслителей того времени. Ученые: Дмитрий Лихачев, Николай Карлов, Никита Моисеев, Борис Раушенбах, Моисей Каган, Борис Парыгин, Владимир Ядов, Николай Скатов; писатели: Даниил Гранин, Михаил Чулаки, Вадим Кожин и другие собирались для того, чтобы в своем кругу найти современные ответы на некоторые старые вопросы. Иногда такие встречи проходили во дворце Белосельских-Белозерских.

Как ни странно, первоначальный импульс диалогу придали французы. Генеральное консульство Франции в Петербурге предложило нашему университету организовать вечер памяти Андре Мальро, в ходе которого петербургские интеллектуалы могли бы пообщаться с французскими. Инициаторы хотели привлечь международное внимание к наследию своего крупного писателя, общественного и государственного деятеля в связи с переносом его праха в усыпальницу величайших личностей нации – Пантеон. В России подобная дипломатическая инициатива была особо

уместна в связи с тем, что Мальро считался большим другом Советского Союза. Эта встреча состоялась в октябре 1996 года. Общение оказалось настолько интересным, что превратилось в некий перманентный процесс. От значительного, но все же частного повода – судьбы и творчества Мальро – практически сразу мы перешли к насущным и наиболее болезненным российским темам.

Материалы этих дискуссий были опубликованы нашим университетом в книге «Судьба российской интеллигенции» в 1999 году. Листая книгу и снова погружаясь в обстановку наших встреч, видишь немало любопытнейших высказываний и замечаний. Писатель Михаил Чулаки, к примеру, утверждал, что «интеллигент не может быть харизматической личностью по определению», потому, что рефлексирование интеллигента – это состояние, прямо противоположное природе харизматической личности. Вместе с Граниным они сходились на том, что интеллигенция в советское время была нужна власти только для того, чтобы прибрать ее к рукам, заставить служить правящей идеологии. Николай Карлов обращал внимание на то, что настоящий интеллигент должен быть человеком дела. Никита Моисеев утверждал, что сила интеллигенции – «в присутствии ей чувстве недовольства и стремлении к поиску, к отысканию альтернативы установившемуся образу жизни, осмыслению путей его исправления», что в этом плане она выступает как гарант прогресса. Многие критиковали интеллигенцию за левый радикализм, нередко доводивший до беды. Моисеев же замечал на это, что «интеллигенция рождает иногда бунтарей, но никогда не рождает тиранов». Игорь Бестужев-Лада поражал замечанием, что интеллигент – это воплощение Бога на Земле: «Господь Бог в образе своего Сына Иисуса Христа во всех четырех Евангелиях ведет себя с людьми как истинный интеллигент». Наиболее сильно мнения разделились по вопросу целесообразности хождения интеллигенции во власть. Все это было безумно интересно...

При большом различии и разнообразии взглядов, сошлись на том, что интеллигент – это образованный человек с обостренным чувством совестливости, обладающий к тому же интеллектуальной независимостью. Образование без совести и независимости дает обществу иной типаж, смачно названный Солженицыным образованцем. Обычно образованцы пытаются выдавать себя за интеллигентов. Именно они льнут к власти и не брезгают обслуживанием бизнеса.

Дмитрий Лихачев отмечал, что уже на рубеже XI-XII веков внутренней свободой обладал киевский князь Владимир Мономах, являвшийся в какой-то степени прообразом интеллигента. Другим прообразом на рубеже XV-XVI веков был монах Максим Грек. В конце XVIII века, по мнению Лихачева, настоящими интеллигентами были Сумароков, Новиков, Радищев, Карамзин. Первое массовое выступление интеллигентов – это декабристское восстание. Декабристы не только проявили внутреннюю свободу, но и пошли против своих сословных интересов. Характерно, что интеллектуальная свобода помешала декабристам одержать победу. Они не смогли объединиться именно потому, что были интеллигентами. Тогда впервые одновременно и отчетливо проявились и организационная слабость, и духовная, нравственная сила интеллигенции.

Согласились и с тем, что интеллигенция в своем генезисе – специфически российское явление. И появилась она как социальный слой изначально в Петербурге. Философ Моисей Каган остроумно заметил, что этот город оказался не столько «окном в Европу», сколько «воротами из Европы, через которые европейское Просвещение становилось достоянием узкого и медленно расширяющегося слоя россиян». Здесь российская интеллектуальная элита впервые испытала не только духовное удовлетворение от приобщения к высотам западной цивилизации, но и острое чувство боли от сознания резкого контраста между обретенным ею уровнем идеалов и ужасающей жизнью простых людей.

Вспоминали и высказывание Н.А. Бердяева о том, что в русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жадной земной прибылью и земного благоустройства. Для российского менталитета, в отличие от народов многих других стран, характерна не столько утилитарная, прагматическая, сколько духовно нравственная направленность доминирующих в общественном сознании ценностей, таких как: справедливость, истина, красота, вера, совесть и т.д.

Было отмечено, что с самого начала российская интеллигенция стала выступать как носитель гражданского и национального самосознания. Оказалось, что ее интересы не связаны ни с личной выгодой, ни с интересами классов. Интеллигенция – это не класс, не партия, не профессиональное объединение, у нее никогда не было писаного устава, иерархии, формальной организации. Однако, русская интеллигенция всегда имела свои собственные символы веры, идущую изнутри дисциплину и традиции. Это – независимое, неформальное движение, одно из проявлений способности россиян действовать без подчинения какому-либо лицу, издающему декреты и налагающему на всех единую волю. Ведущий принцип интеллигенции – служение простому народу. Это не следует понимать буквально, как прислуживание, поскольку у нее всегда есть свой собственный взгляд на общественное благо. Вместе с тем, принципиально важно, что интеллигенция всегда была готова жертвовать личным благом ради блага народного, не желая взамен никакой награды, кроме сознания исполненного долга.

Отсюда и особая нравственная позиция интеллигенции, ее чувство гражданской и социальной ответственности, способность мучительно переживать протекающие в обществе процессы, а не замыкаться эгоистически и равнодушно в узких границах собственного бытия. Отсюда – и представление о ней, как о разуме и совести нации. Спрашивать, зачем России нужна интеллигенция, то же самое, что спрашивать, нужна ли ей совесть. Общепринятых ответов на подобные вопросы не существует.

Вспоминая минувшее, не могу не отметить, что встречи эти проходили в обстановке исключительного демократизма и взаимного уважения. Все выступавшие пользовались к тому моменту заслуженной репутацией интеллектуальных светил общероссийского масштаба. И все же каким-то совершенно непостижимым образом Дмитрий Лихачев выделялся из этого ряда. Он вполне конкретно и наглядно опровергал Михаила Чулаки, проявляя харизму, правда – харизму совершенно особого рода.

Каждая встреча с Лихачевым была Событием. Дмитрий Сергеевич всегда приезжал на наши встречи заранее и терпеливо, безмолвно сидел, ждал начала, опираясь на трость. Научная дискуссия могла длиться два-три часа и он нередко сидел все это время молча, слушал. Затем, брал слово и тихо говорил две-три минуты, но сказанное им потрясало. Не забуду, как во дворце Белосельских-Белозерских он вот так же тихо заявил, что сознание определяет бытие. До этого десятки лет марксисты твердили обратное, что бытие определяет сознание, а Лихачев вдруг сообщил нам: «Семьдесят лет нас воспитывали в пессимизме. Ведь марксизм – это одно из самых отчаянно пессимистических учений. Материя преобладает над духом, над духовностью... Я лично верю в случайность в истории. То есть я верю в волю человека. От нас зависит, станем мы проводниками добра или не станем. Поэтому такие вопросы, как «Что ждет нас в будущем?» не имеют смысла. Нас ждет то, что мы сделаем сами, потому что таких законов, которые бы вели нас по строго определенному пути и не давали никуда отклониться, в истории нет». Зал был битком наполнен профессурой, и все слушали, затаив дыхание. Несмотря на существование философской традиции, содержащей подобную точку зрения, такое публичное заявление прозвучало как открытие. До сих пор помню, как у меня от его слов вдруг мороз прошел по коже. Казалось, что я слышу не человека, а голос какого-то высшего разума, вселенской мудрости.

Ближе всех к Лихачеву в плане впечатления, производимого на аудиторию, является Даниил Гранин. Между тем, в обыденной жизни эти люди никак не дистанцируются от простых смертных. Похоже, что мудрость – для них просто вполне естественное состояние, как для иных – жадность или идиотизм. В другой раз я приехал в тот же дворец сразу вслед за Лихачевым. Дмитрий Сергеевич, начал со мною разговор, мягко и тепло отозвавшись о погоде: как приятно светит солнце, как отражается в Фонтанке, какие лиричные облака. Тут же появился Даниил Гранин и огорченно заметил, что погода сегодня дрянная. И тучи низкие, мрачные, и солнце какое-то безрадостное. И я тут же понял, что не имею своего мнения о предмете обсуждения. Мчался на машине, поглощенный мыслями о делах, и ничего вокруг не заметил. Потом, перечитывая и Лихачева, и Гранина я вынужден был кое-что поправить в своей суетной жизни.

Интеллигенция глазами культуролога

Что представляют из себя взгляды Лихачева на интеллигенцию? Личные взгляды авторитетного для нас человека, действительно выведенные им из собственного опыта, как пишет в «Новом мире» Дмитрий Сергеевич? Размышления мыслителя? Либо это все же научно обоснованные результаты ученого? Для того, чтобы это понять, нужно сначала ответить на другой вопрос: куда конкретно вышел за рамки филологии Дмитрий Лихачев – в философию, искусствоведение, историю, социологию, этнографию, краеведение, природоведение? Еще десять лет назад это было непонятно. Мы представляли себе академика своего рода воплощением некоего универсального, собирательного «синтетического» знания, неким междисциплинарным ученым-гуманитарием.

За последние десять лет в России произошло вполне уверенное становление научной отрасли, вызревавшей с семидесятых годов – культурологии. Теперь, обращившись в прошлое с позиций современного

научного знания, можно сказать, что рядом с Лихачевым-филологом в конце минувшего столетия встала фигура Лихачева-культуролога, не менее значительная и не менее масштабная. Академик Лихачев – выдающийся, великий российский культуролог XX века.

Из всех исследователей научного наследия Дмитрия Сергеевича наиболее близко к пониманию его сути подошел профессор русских и восточно-европейских исследований университета «Sussex» Робин Милнер-Гулланд. Интереснейшие замечания высказаны им в работе «О Дмитрие Сергеевиче Лихачеве», опубликованной впервые в манчестерском журнале «Slavonica», 2000 год, том 6, выпуск 1 (с русскоязычной версией этого материала можно познакомиться на сайте Лихачевского фонда). Осмысляя научное наследие Д.С. Лихачева, зарубежный исследователь справедливо отмечает, что для Лихачева литературный текст является лишь исходной точкой, отправляясь от которой он проявляет себя как историк культуры.

Такая оценка содержит лишь часть точной характеристики. Лихачев изучает культуру, а не только историю культуры. Принципиально, что его взгляд на любые рассматриваемые им явления предполагает изучение и оценку их в контексте культуры. Другое дело, что при этом его взгляд многомерен. И временная, историческая плоскость анализа – лишь одна из многих. «Мне представляется чрезвычайно важным рассматривать культуру как некое органическое целостное явление, как своего рода среду, в которой существуют свои общие для разных аспектов культуры тенденции, законы, взаимоотношения и взаимоотталкивания», - говорит Д.С. Лихачев.

Взгляд Дмитрия Сергеевича на историю – это, безусловно, взгляд культуролога. По Лихачеву история России – это история ее культуры. В отличие, скажем, от классической истории, которая рассматривает эволюцию человечества через призму развития государств, бесчисленных войн и смен правителей. Или в отличие от более частных историй, допустим, литературы, искусства, исследующих и фиксирующих характер связи произведения с

жизнью, специфические технологии, содержание, форму, стиль, творческий метод, эволюции творческого процесса и т.д.

Существует ли, создана ли Д.С. Лихачевым стройная культурологическая теория? Можно ли говорить о наличии культурологического учения академика? На первый взгляд, целостной теории вроде бы нет. Есть только некий набор разрозненных в тематическом плане статей. Внимательное же прочтение открывает иное.

У Дмитрия Сергеевича безусловно есть свое целостное видение сущности культуры России. Эта целостность разворачивается сразу в нескольких векторах. Во-первых, в многообразии включаемых в понятие культуры явлений, в богатстве их взаимосвязей и взаимовлияний. В частности, ученый рассматривает религиозно-философские взгляды и быт, культуру и искусство, язык и нравы, обычаи и право и т.д. – словом, все, что создано руками и разумом человека. А затем еще и включает в поле зрения природу. И анализирует взаимосвязь природы и человека. Во-вторых, Лихачев анализирует культуру в динамике ее исторического становления и развития. И обнаруживает себя тончайшим знатоком как основных этапов культурной жизни, так и особенностей поведения культуры на исторических изломах ее развития. В-третьих, академик конструирует свое особое видение внутреннего морфологического строения культуры. Здесь он выделяет своего рода культурные комплексы и анализирует их взаимовлияние и эволюции.

Разумеется, и на интеллигенцию Лихачев смотрит как на явление культуры. В его понимании, данное явление в своем генезисе однозначно связано с Петербургом.

В противовес теориям российского евразийства или абсолютной самобытности России академик Лихачев, по сути, считает нашу страну самой европейской из стран Европы. Дмитрий Сергеевич подчеркивает, что родовыми европейскими признаками отечественной культуры являются: личностное начало, открытость и восприимчивость к другим культурам,

свобода творческого самовыражения. Вместе с тем, многонациональность и соборность (уникальное проявление православной христианской склонности к общественному и духовному началам), а так же устремленность в будущее и неудовлетворенность настоящим – отличительные особенности русской культуры, которые определяют ее особое место в европейском и мировом сообществе.

Культурологическое исследование Санкт-Петербурга занимает особое место в трудах Дмитрия Лихачева. Особенно следует отметить лекцию «Петербург в истории русской культуры», прочитанную академиком в мае 1993 года при посвящении его в Почетные доктора СПбГУП. Его выводы здесь проливают свет на многое.

Ученый выделяет «характерные только для Петербурга черты, свойственные всем векам его существования». Это, прежде всего, органичное сочетание в петербургской культуре лучшей европейскости и лучшей русскости. Петербург — «и чрезвычайно европейский, и чрезвычайно русский» город. По Лихачеву, уникальность Петербурга в том, что это — город общемировых культурных интересов, соединивший в себе градостроительные и культурные принципы различных европейских стран и допетровской Руси. При этом суть петербургской культуры — не в похожести на Европу, а в концентрации лучших сторон русской и мировой культуры. Важной особенностью Петербурга Дмитрий Сергеевич считал «его научную связь со всем миром». Это тоже превратило Петербург в «город общемировых культурных интересов». Другая существенная сторона Петербурга — академизм во всех его проявлениях, «склонность к классическому искусству, классическим формам. Это проявилось как внешне — в зодчестве, так и в существе интересов петербургских авторов, творцов, педагогов и т. д.». Академик отмечал, что в Петербурге все основные европейские и мировые стили приобретали классический характер.

Не случайно именно в Петербурге появился, получил развитие и особый, в ряде отношений высший «продукт» мировой культуры – интеллигенция. По мысли Лихачева – это одна из вершин развития европейской духовной традиции, явление, сформировавшееся на российской почве закономерным образом. Формирование подобного слоя людей может быть расценено как высочайшее гуманитарное достижение России, своего рода торжество человеческого духа, лежащее в русле европейской (христианской) традиции.

Судьба интеллигенции, как открытый вопрос

Без сомнения, во власти сегодня есть люди, относящиеся к интеллигенции с большой симпатией. В числе таковых я назвал бы в первую очередь Владимира Путина, востребованного на чиновничьи должности реальным ходом демократических перемен конца 80-х – начала 90-х годов. Два президентских указа об увековечении памяти Д.С. Лихачева – наглядное проявление его личных взглядов. Тем не менее, чиновничество в целом, конечно, будет вести себя по отношению к интеллигенции как обычно: пытаться предельно цинично ее использовать, если не получится – дискредитировать. Бизнес же, разумеется, пока представляет себе взаимоотношения с интеллигенцией примерно так же, как новые русские со своими секретаршами в первой половине 90-х годов.

Думаю, власть и бизнес могут пристроить к обслуживанию своих потребностей образованцев, но не интеллигентов. Тем, кто этого не понимает, стоит вспомнить уроки XX века. В его первой части интеллигенция уничтожалась не экономически, как сейчас, а тотальными репрессиями. Казалось, согнули, сломали, подчинили, приручили. Но дело кончилось тотальным крушением режима. И кто был всем – стал ничем.

Вместе с тем, интеллигенции присущи не только положительные, но и отрицательные качества. Многие упрекают ее в пустословии,

псевдогуманизме, рефлексивности там, где требуется действие, и многом другом, за что интеллигенция в устах своих оппонентов получила эпитет «гнилая». Впрочем, я бы скорее переадресовал эти упреки образованцам.

И все же с точки зрения законов дарвинизма, интеллигенция нередко бессильна при столкновении с неинтеллигентностью, проигрывает в борьбе за существование. В ее поведении сказывается и противоречивый характер российского суперэтноса – способность легко увлекаться яркими идеями и неумение педантично разрабатывать концепции и методы их реализации. В полной мере это сказалось в ходе революций начала XX века, идеологически подготовленных интеллигенцией. Сегодняшняя ситуация - не исключение. Благородный порыв к радикальному обновлению общества, выстраданный ею в 60-80-е годы, не будучи подкрепленным предвидением хода перемен и способностью им управлять, обернулся глобальным и разрушительным кризисом для страны.

Есть и иные проблемы: интеллигенция была объектом свирепого геноцида на протяжении всего периода своего существования. Такое не проходит бесследно. К тому же, нарушены процессы воспроизводства интеллигенции. Прежде всего, ее перестали воспроизводить многие ведущие российские вузы, превратившиеся в очаги коррупции и образованщины. Сегодня мы являемся свидетелями стремительного возрождения в молодежной среде сословия новых мещан – людей, стремящихся к безбедному и бесконфликтному существованию в социальной структуре общества. Их помыслы не сопряжены с какими-либо нравственными исканиями.

В этой связи нельзя не вспомнить беседы наркома Луначарского с рабочей молодежью. На вопрос аудитории о том, как стать интеллигентом, Луначарский ответил, что надо закончить три вуза. Каких – неважно. Но первый должны закончить бабушка и дедушка, второй – мама и папа, тогда

после третьего могут появиться интеллигенты. Сегодня, похоже, и этот рецепт бесполезен.

Истощение слоя совестливых людей приводит к тому, что общество начинает жить суррогатами. Теперь власть пытается назначать своих лидеров для интеллигенции. И использует для этого образованцев...

Что делать?

Позиция интеллигента, думается, должна зависеть от того, что власть делает для страны и народа. Если власть действует во благо – надо быть вместе с ней. В противном случае – быть в оппозиции. Бороться за власть и идти во власть – не дело интеллигенции. Пребывание во власти неизбежно оборачивается потерей интеллигентности или ее поражением. Не случайно Анатолий Собчак заметил после нескольких месяцев пребывания на посту руководителя демократического Ленсовета: «Политика – удивительно грязное дело». Уж если один из самых искренних и честных политиков страны пришел к такому выводу...

Очень интересны в этой связи и замечания Дмитрия Лихачева: «Интеллектуальная независимость является чрезвычайной важной особенностью интеллигенции. Независимость от интересов партийных, сословных, классовых, коммерческих и даже просто карьерных. Если по своим убеждениям интеллигент входит в партию, требующую от него безусловной дисциплины, то добровольно продажа себя в рабство лишает его возможности причислять себя к интеллигенции. Интеллектуальная свобода – всегда явление морального порядка. А мораль – единственная власть, сила которой не только не лишает человека свободы, но и гарантирует ее. Совесть является гарантом свободы интеллигента.» В общем, интеллигент должен жить по Шекспиру: «Все мерзостно, что вижу я вокруг, но как тебя покинуть, милый друг!» Под другом я бы подразумевал народ.

Может ли быть найдена новая формула использования интеллигенции – не в корыстных интересах власть имущих, а на благо общества и государства? – Пока не известно. Возможно, власть когда-нибудь и научится выслушивать интеллигенцию во имя высших интересов страны, и тогда уподобится Богу. Но пока ей до этого немного далековато.

Быть может, отечественная интеллигенция возродится как разум и совесть страны. Другой сценарий развития – превращение российского этноса в обычный европейский народ, довольствующийся наличием интеллектуалов. Вопрос о судьбе российской интеллигенции остается пока открытым...

Х Х Х

Дмитрий Лихачев многие годы был открыт и научному миру, и обществу. Более того, он находился в центре внимания. Странно, но его жизненный путь на сегодня удивительно мало осмыслен.

Дмитрий Сергеевич был не просто потомственным петербуржцем. Помимо звания, полученного в 1993 году им лично, он был Почетным гражданином Санкт-Петербурга по праву наследования. Его дед был в дореволюционное время удостоен этого звания. По-моему, понять Лихачева – означает понять лучшее, что есть в Петербурге, в России, понять те крупницы хорошего и ценного, что есть в нас самих. Чтобы быть хоть немного похожими на эту легендарную и почти исчезнувшую особую породу людей – петербургских, ленинградских интеллигентов.